

УДК 34**DOI: 10.34670/AR.2025.93.74.040**

Гражданско-правовое и процессуальное начала в соглашении о международной подсудности: исторический и современный анализ

Чеконов Матвей Дмитриевич

Аспирант 2-го курса,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: chekonovmatvey@gmail.com

Аннотация

В настоящей статье проводится анализ положений, касающихся правовой природы соглашения о подсудности, с акцентом на изменение соотношения в нем гражданско-правового (материально-обязательственного) и процессуального начал. В статье доказывается, что на протяжении развития учения о договорной подсудности наблюдается цикличная закономерность: от первоначального признания ведущей роли за частной волей и фактическим поведением сторон в Древнем Риме к закреплению процессуальной концепции в XIX-XX веках, сменившейся на современном этапе преобладанием диспозитивного начала в институте договорной подсудности. В настоящее время в зарубежных правовых системах существенность диспозитивного начала проявляется следующим образом: в признании за пророгационным соглашением гражданско-правового обязательства и возможности взыскать убытки за его нарушение. В правовом порядке РФ гражданско-правовому началу в соглашении о подсудности также придается существенное значение. Однако, несмотря на высказанные в доктрине идеи, ни в законодательстве, ни в судебной практике РФ сегодня прямо не сформирован вывод о наличии в пророгационном соглашении гражданско-правового обязательства. В этой связи в статье отмечается, что имплементация в РФ на уровне законодательства или судебной практики положения о наличии в соглашении о подсудности гражданско-правового обязательства позволило бы нивелировать недостатки процессуального законодательства и гарантировать более надежную защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Для цитирования в научных исследованиях

Чеконов М.Д. Гражданско-правовое и процессуальное начала в соглашении о международной подсудности: исторический и современный анализ // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 10А. С. 346-358. DOI: 10.34670/AR.2025.93.74.040

Ключевые слова

Процессуальное законодательство, соглашение о международной подсудности, договорная подсудность, гражданско-правовое обязательство, гражданско-правовая ответственность, правовая природа, убытки, материально-правовой институт, процессуальный институт.

Введение

Соглашение о подсудности, являясь одним из ключевых инструментов проявления автономии воли сторон в судебном процессе, позволяет участникам гражданского оборота предсказуемо определять компетентный суд для разрешения потенциальных споров между ними. Эффективное применение данного института требует понимания его правовой природы, так как она указывает на набор правил и принципов, влияющих на действительность и исполнимость пророгации.

Основное содержание

Существует несколько ключевых подходов к пониманию правовой природы таких соглашений. Согласно одному подходу, пророгационное соглашение рассматривается как материально-правовой институт, поскольку ему присущи признаки договора. Сторонники другого подхода квалифицируют соглашение о подсудности как сугубо процессуальный институт, который не имеет каких-либо гражданско-правовых последствий и лишь наделяет выбранный сторонами суд компетенцией по рассмотрению споров. Высказываются также точки зрения о смешанной правовой природе пророгационного соглашения.

Вместе с тем, признание дуалистической правовой природы не разрешает ключевого вопроса о преобладающем начале пророгации. Правовая квалификация названного института не может быть полной без установления соотношения между гражданско-правовым и процессуальным началами. Это соотношение определяется за счет ответа на следующий вопрос: Должны ли стороны, заключая соглашение о подсудности, в первую очередь ориентироваться на диспозитивные начала и принципы гражданского права или руководствоваться сугубо формальными предписаниями процессуального закона? Выбор того или иного начала в качестве определяющего, влечет различные правовые последствия.

Так, если квалифицировать пророгационное соглашение преимущественно как гражданско-правовую сделку, то к нему становятся применимы общие положения обязательственного права. Это позволяет, в частности, оспаривать такое соглашение по основаниям, предусмотренным для недействительности сделок, подчинять его действие иностранному праву, требовать взыскания убытков за его нарушение и т.д. Напротив, признание ведущей роли за процессуальным началом исключает применение указанных институтов, подчиняя соглашение о подсудности положениями процессуального законодательства.

Таким образом, эффективность и исполнимость соглашения о подсудности напрямую зависят от установления преобладающего начала в данном институте.

Несмотря на то, что первое упоминание конкретного термина «*forum prorogatum*» зафиксировано в каноничном праве [Арбрамов, 1950, с. 2], истоки института договорной подсудности можно заметить уже в римском праве, а именно в введённом императором Августом законе о судопроизводствах по тяжбам частных лиц (*Lex Iulia iudiciorum privatorum*) [Арбрамов, 1950, с. 11]. Этот закон позволял участникам судопроизводства своим совместным волеизъявлением, т.е. посредством заключения соглашения, наделить выбранный суд, не предусмотренный законом, компетенцией рассматривать споры между ними.

Для достижения эффекта пророгации согласно рассматриваемому закону требовалось соблюдение двух условий: во-первых, стороны должны выбрать конкретный суд, который в соответствии с действующими нормами законодательства не обладал компетенцией по

рассмотрению спора (элемент *consentire*). Во-вторых, согласованный сторонами суд должен был быть «фактически задействован», т.е. стороны были обязаны фактически подчиниться его юрисдикции (элемент *se subiicere*). Стоит отметить, что первое условие – элемент *consentire* – представляет собой волевой компонент соглашения, в то время как второе условие – элемент *se subiicere* является объективным проявлением во вне действия соглашения (поведенческий компонент).

Как было сказано выше, для возникновения юридической силы соглашения о подсудности необходимо одновременное соблюдение двух названных условий. Одной лишь договоренности сторон недостаточно для установления юрисдикции некомпетентного суда. И наоборот, одно лишь фактическое подчинение юрисдикции также не отвечало действовавшим в тот период требованиям к действительности договорной подсудности [Deybeck, 1888, с. 32]. Между тем отмечается, что именно не сколько соглашение сторон наделяет суд юрисдикцией, а сколько само подчинение, которое, однако, должно было основываться на единой воле сторон.

Последующие законодательство древнего Рима, в частности принятый императором Юстинианом свод законов (*Corpus Iuris Civilis*), не внес каких-либо существенных изменений, касающихся соглашения о подсудности.

Таким образом, в Древнем Риме действительность пророгационного соглашения зависела от волеизъявления и фактического поведения сторон, т.е. значительную роль в институте договорной подсудности, несмотря на его сугубо процессуальный эффект, играло поведение и волеизъявление частных лиц, т.е. частноправовой элемент.

В Средневековье учение о пророгации практически не развивалось. Отсутствие стремительного развития данного института, обусловлено стремлением средневековых государств сохранить прерогативу рассмотрения судебных споров, особенно торговых, на своей территории, поскольку отправление правосудия в то время являлось одним из значительных источников доходов [Арбрамов, 1950, с. 67]. В связи с этим, видится довольно логичным скептические отношение к институту договорной подсудности, поскольку основанное на волеизъявлении частных лиц соглашение, изменяющее установленную законом подсудность, представляет собой недопустимое вмешательство в право государства по отправлению правосудия, умаляющее его авторитет и лишаящее существенной доли доходов казны.

С наступлением Эпохи Просвещения, особенно в 18 – 19 веках, в общественном мнении наблюдается изменение в понимании сути государства. Все большую поддержку получала точка зрения о необходимости отступления от идей абсолютизма и важности построения правового государства, основанного на принципе законности и разделения властей. Это развитие, затронувшее все компоненты общества, не оставило без изменений как гражданское процессуальное право в целом, так и институт пророгации в частности. В сфере гражданского судопроизводства получало все большее признание стремление к последовательному расширению диспозитивных начал, что проявлялось, в частности, в усилении договорной свободы при заключении соглашений о подсудности.

Ярким примером реализации названных целей является Гражданское процессуальное уложение Германии 1877 г. (далее также *ZPO*), в котором было закреплено положение, не позволяющее некомпетентному суду отказать в принятии искового заявления, если такой суд выбран сторонами в соглашении о подсудности. Кроме того, юридической силой стали обладать соглашения, заключенные вне рамок судебного процесса, т.е. был отвергнуто правило, согласно которому лишь соглашение, заключенное перед *forum prorogatum*, могло породить желаемый процессуальный эффект, в результате чего более не требовалось фактического подчинения

юрисдикции согласованного суда в качестве конститутивного элемента действительной пророгации. Также наличие ошибки в соглашении не стало являться безусловным основанием для признания его недействительным [Wach, 1885, с. 377].

Исследователи того времени отмечают, что соглашение о подсудности порождает притязание на исполнение принятого обязательства явиться перед соответствующим судом. Поскольку обязательства должны быть исполнимыми, требование о возмещении убытков за нарушение такого обязательства представляется рядом исследователей того времени достаточно обоснованным.

Таким образом, в конструкции института соглашения о подсудности отмечается значительное усиление гражданско-правового начала. Это выражается, в частности, в появлении в науке позиций, рассматривающих данное соглашение в качестве гражданско-правового обязательства, нарушение которого может повлечь взыскание убытков. Уже на этом этапе исторического развития аргументы сторонников процессуальной квалификации соглашения о подсудности начинают подвергаться сомнению (например, аргумент о том, что только заключенное в рамках процесса соглашение обладает юридической силой, как следует из примера Гражданского процессуального уложения Германии 1877 г., был отвергнут на законодательном уровне).

В Российской Империи также допускалась возможность заключения соглашения о подсудности. Так, в статье 155 Устава Торгового Судопроизводства и статье 227 Устава Гражданского судопроизводства установлено право сторон при заключении договора определить суд первой инстанции, который будет компетентен рассматривать споры между сторонами по поводу заключенного договора [Гольмстен, 1913, Яблочков, 1909]. Как видно из буквального толкования данных норм сфера их действий ограничена лишь спорами, вытекающих из договоров, т.е. в иных ситуациях подсудность определяется в только в соответствии с законом (например, соглашение о подсудности не может быть заключено по спору о возмещении вреда, после его причинения).

Кроме того, если стороны своим соглашением выбрали иностранный суд в качестве компетентного, но исполнение основного договора осуществляется или будет осуществляться на территории Российской Империи, то заключенное соглашение считается недействительным. В такой ситуации в качестве компетентного суда может быть выбран только лишь российский суд [Яблочков, 1909, с. 61].

При этом стоит отметить, что подробное изучение вопросов правовой природы пророгационного соглашения исследователями того времени в Российской империи практически не осуществлялось. Так в одной из анализируемых работ отмечено, что соглашение о подсудности представляет собой договор, а значит для его действительности необходимо наличие условий, требующихся для действительности договора: правоспособности и дееспособности, свободы волеизъявления и пр. Отсутствие одного из этих элементов дает право оспаривать действительность такого соглашения [Васьковский, 1917, с. 221].

Таким образом, законодательное регулирование соглашения о подсудности в Российской Империи конца XIX века имело императивный характер, существенно ограничивая автономию воли сторон в целях защиты публичного интереса. Данное обстоятельство, в свою очередь, предопределило его практическую невостребованность и недостаточную научную разработанность: вопросы правовой природы соглашения о подсудности рассматривались преимущественно в рамках комментариев к процессуальным кодексам. Хотя правовая доктрина того периода в целом признавала наличие в данном институте гражданско-правового элемента,

вопрос о его системообразующем или же вторичном значении оставался неизученным.

В начале XX века интенсивность дискуссии о правовой природе соглашения о подсудности начинает постепенно снижаться, поскольку все больше начинает преобладать точка зрения о распорядительном эффекте такого соглашения, обладающем сугубо процессуальным эффектом – наделением или исключением компетенции конкретного суда. Сторонники такого подхода отмечают, что выделение в соглашении о подсудности гражданско-правового обязательства с одной стороны, не делает суд компетентным, а с другой — придаст пророгации исключительный эффект в отношении других судов, который ей по своей природе не всегда присущ [Wach, 1885, 502].

Однако приведенные аргументы не исключают существования гражданско-правового начала, поскольку без согласия сторон пророгация не состоится. Даже сторонники процессуальной теории отмечают его наличие, однако, по их мнению, в соглашении о подсудности оно не имеет «существенного значения» [Gebauer, 2012, с.272]. Следовательно, с наступлением XX столетия наблюдается обратная тенденция: значимость гражданского правового элемента по сравнению с XIX веком начинает постепенно сокращаться, уступая публично-правовому (процессуальному) элементу. Судебная практика и доктрина говорят о необходимости согласия сторон лишь для наделения компетенцией выбранного сторонами суда.

Дальнейшее экономическое развитие существенно сказалось на применении института подсудности. Если раньше договорная подсудность встречалась довольно редко, поскольку участниками судебных разбирательств в основном были лица, активно не участвующие в торговом обороте, то возрастающая индустриализация, усиление товарообмена и сопутствующая необходимость в межтерриториальных деловых связях значительно повысили роль соглашений о подсудности на практике.

Вследствие этого получила распространение практика одностороннего включения в договоры условий о подсудности, которые, ввиду значительного дисбаланса переговорных сил и недостаточной информированности одной из сторон (потребителя), не могли быть оспорены или изменены. Данное обстоятельство поставило вопрос о квалификации подобных условий как недобросовестных, навязанных более сильным экономическим субъектом слабой стороне договора.

Развернувшаяся дискуссия характеризовалась, в первую очередь, широкой поддержкой отказа от тех руководящих принципов, которые еще были основополагающими при реформации института договорной подсудности в 70-80 годы XIX века. Распространённые в указанный период идеи о неограниченной возможности заранее устанавливать подсудность изначально некомпетентного суда основывалась на предположении о неограниченной договорной свободе сторон в гражданском процессе и, таким образом, вписывалась в уже описанную историческую тенденцию «постоянного расширения права на пророгацию» [Wach, 1885, с. 500]. Естественно, что в XIX, учитывая непредсказуемость технического прогресса, нельзя было предвидеть, что в результате почти неограниченной воли сторон над определением подсудности рано или поздно возникнут различного рода злоупотребления.

Например, в Германии в первой половине XX века, за счет наличия заранее включенных в договор оговорок о подсудности резко выросло число заочных решений, поскольку при неявке ответчика суд по закону должны были проверять лишь обоснованность утверждений истца, которая, как правило, включала ссылку на ранее заключенное соглашение о подсудности. Такая практика причиняла существенный ущерб более слабым и неосведомленным участникам оборота, что стало причиной реформирования института договорной подсудности посредством

ограничения свободы договора, т.е. за счет ограничения гражданско-правового начала в соглашении о подсудности. Так, например, действующая с 1974 года редакция статьи 1 § 38 ZPO допускает заключение пророгационного соглашения только между предпринимателями, юридическими лицами и публично-правовыми образованиями, т.е. заключение соглашения о подсудности с участием граждан по общему правилу исключается.

Что касается России, то вопросы, касающиеся соотношения в соглашении о подсудности гражданско-правового или публично-правового начал, и тем более разрешение вопросов навязывания слабой стороне несправедливых договорных условий, в течение XX века практически не освещались. Исследователи того времени отмечали, что договорная подсудность выступала средством эксплуатации трудящихся [Клейман, 1940, с. 33-34]. Стоит отметить, что до 1932 г. Верховный суд РСФСР придерживался позиции о недопустимости изменения установленной законом подсудности посредством заключения соответствующего соглашения. Однако начиная с 1932 г. указанная позиция изменилась, поскольку «с победой социализма в СССР и ликвидацией капиталистических элементов, негативные стороны договорной подсудности не могут более себя проявить» [Клейман, 1940, с. 34]. В связи с этим ВС РСФСР разъяснениями Пленума от 03.02.1932 г. предписал судам принимать к рассмотрению дела, в которых подсудность спора установлена соглашением сторон, за исключением случаев, когда такое соглашение нарушает исключительную подсудность. В этой связи в ГПК РСФСР 1964 г. была включена статья 120, допускающая заключение соглашения о подсудности. Однако каких-либо монографических работ, посвященных непосредственно вопросам правовой квалификации пророгационного соглашения в СССР, обнаружить не удалось.

При этом стоит отметить рассуждения Л.А. Лунца, который рассматривал вопрос о допустимости заключения соглашения о международной подсудности путем применения по аналогии нормы о договорной подсудности (статья 120 ГПК РСФСР 1964 г.). В своих рассуждениях Л.А. Лунц приходит к выводу, что это возможно лишь в ситуации, когда спор касается сделки, которая по советскому праву может быть отнесена к внешнеторговой, поскольку как выбор применимого права допускается лишь для внешнеторговой сделки, так и выбор юрисдикции должен ограничиваться указанными рамками [Лунц, 2002, с. 834]. Однако рассуждения о правовой природе соглашения о подсудности в работах данного автора обнаружить не удалось. Тем не менее, учитывая правовую политику СССР и приведенные рассуждения Л.А. Лунца, можно сделать вывод о рассмотрении публично-правового (процессуального) начала соглашения о подсудности в качестве преобладающего.

Таким образом, освещение вопросов договорной подсудности осуществлялось лишь в «общем формате» в рамках учебной литературы по вопросам территориальной подсудности [Арбратов, 1950, Гурвич и др., 1975].

Начиная с конца XX века роль гражданско-правового элемента в соглашении о подсудности начинает изменяться. Прежде всего, это начинается проявляться при разрешении споров, осложненных иностранным элементом. Так, в указанный период появляются первые научные комментарии о возможности возмещения убытков, вызванных нарушением соглашения о международной подсудности.

Вскоре Апелляционный суд в деле «Union Discount Co Ltd v. Zoller» [Union Discount Co Ltd v. Zoller, 2002] высказался о возможности взыскания убытков за нарушение соглашения о международной подсудности. Хотя английский суд в этом деле не стал вводить общее правило о гражданско-правовой ответственности за нарушение пророгационного соглашения,

ограничившись лишь ссылкой на конкретные обстоятельства дела и соображения правовой политики (*policy reasons*) в контексте действия американского правила о возмещении убытков (*American rule*), данный прецедент стал отправной точкой для развития доктрины и соответствующей судебной практики, которая впоследствии стала обосновывать возможность взыскания убытков за нарушение гражданско-правового обязательства, закрепленного в соглашении о международной подсудности [*Donohue v Armco*, 2001].

Ярким примером такой развития такой практики является решение Верховного суда ФРГ 2019 г., который прямо в качестве общего правила закрепил наличие обязательственного элемента в соглашении о подсудности в том понимании, в каком он закреплено в статье 280 Германского гражданского уложения. Верховный суд ФРГ отмечает, что правовая природа пророгационного соглашения не исключает обязательного элемента, независимо от того, является ли оно материально-правовым договором о процессуальных отношениях (как предполагал сам Верховный суд ФРГ в своей устоявшейся судебной практике) или чисто процессуальным договором (с дополнительным материально-правовым соглашением о процессуальных отношениях) [BGH, 2019]. При этом указывается, что обязательственный элемент наличествует даже тогда, когда стороны прямо не согласовали конкретное обязательство. Наделяя конкретный суд компетенцией, стороны тем самым принимают на себя обязательство по обращению с иском именно в этот суд. Данная логика в равной степени применима как к альтернативным, так и к дерогационным соглашениям о подсудности, с той лишь особенностью, что содержание обязательства изменяется. В случае альтернативной пророгации обязательство состоит в выборе для подачи иска одного из указанных в соглашении судов, тогда как при дерогации — в воздержании от обращения в суд(ы), исключенные сторонами.

Стоит отметить, что принятие данного судебного акта свидетельствует о новом этапе развития дискуссии о правовой природе пророгационного соглашения, поскольку высказанное Верховным судом ФРГ мнение не соответствует преобладающей в континентальной доктрине точке зрения, которая развивалась с начала XX века, когда обязательственный эффект пророгационного соглашения все больше уходил на второй план [Gebauer, 2020, с. 203].

В России начиная с XXI века наблюдается схожая тенденция, выражающаяся в постепенном признании преобладающего положения гражданско-правового начала в соглашении о подсудности. Эта позиция находит отражение в отечественной доктрине, в которой предлагается квалифицировать пророгационное соглашение как материально-правовой договор, аргументируя это наличием присущих данному институту классических элементов: автономии воли, правосубъектности сторон, возможности изменения и расторжения соглашения и т.д.). Также отмечается, что заключение соглашения позволяет стороне обратиться в согласованный суд, который в силу наличия у него компетенции по закону и принимает иск к своему производству. Из названного следует, что «процессуальные последствия являются прямым следствием наличия или отсутствия у суда (арбитражного суда) компетенции, но не самого соглашения о подсудности».

При этом прослеживается сдержанное отношение к требованию о взыскании убытков из-за нарушения соглашения о подсудности, поскольку предполагается, что все расходы сторон могут быть компенсированы за счет процессуального института возмещения судебных издержек. Взыскание убытков представляется возможным лишь в тех случаях, когда процессуальный закон места рассмотрения дела не позволяет возместить убытки в полном объеме, т.е. взыскание убытков допустимо лишь при нарушении соглашения именно о международной подсудности и

неэффективности процессуального законодательства места разрешения спора. Хотя отмечается, что такая возможность не бесспорна и для надежной защиты прав сторон лучше прямо оговаривать возможность возмещения убытков.

В последующем также появляются работы, которые уже прямо указывают на допустимость взыскания убытков за нарушение соглашения о подсудности, так как это отвечает принципу полного возмещения убытков [Елисеев, 2015, Чупрунов, 2011, Юдин, 2009].

Признание наличия такой возможности свидетельствует об укрепляющейся позиции о том, что гражданско-правовое начало соглашения о подсудности имеет преобладающее значение.

О преобладающей роли гражданско-правового начала в соглашении о подсудности свидетельствует и выработанная в российской судебной практике правовая позиция, согласно которой такое соглашение сохраняет свою силу при перемене лиц в лежащем в его основе обязательстве. Ключевым аспектом дискуссии по данной позиции выступал вопрос о том, распространяется ли на новое лицо оговорка о подсудности, заключенная выбывшим участником соглашения?

Сформированный судебной практикой подход говорит о том, что переходящие к другому лицу права, по общему правилу, включают в себя и процессуальные аспекты, в частности, такие как согласование компетентного суда. При этом сам по себе автономный характер соглашения о подсудности не противоречит такой позиции, поскольку, как отмечает Елисеев Н.Г., существует объективная связь материального и процессуального аспектов правоотношения, а также равнозначность материально-правовых и процессуальных договорных условий [6, с. 192]. Такая связь проявляется следующим образом.

В основе регулирования уступки требования (ст. 384 ГК РФ) лежит разграничение между основным требованием и сопутствующими ему правомочиями. Переход права к новому кредитору осуществляется в том виде и объеме, которые оно имело на момент перехода, включая обеспечительные меры и иные связанные права, такие как право на проценты. Правопреемство в сопутствующих правоотношениях обусловлено не их автономией, а правовой связью с основным обязательством. Поскольку данные правоотношения формируют объем и условия уступаемого требования, они переходят к новому кредитору в силу закона, без необходимости совершения каких-либо дополнительных действий.

Для процессуального договора (так правовую природу соглашения о подсудности определяет Елисеев Н.Г.) также характерна аналогичная связь с материальным обязательством. С одной стороны, такой договор позволяет сторонам повлиять на судебную процедуру для своих нужд, исходя из специфики их материального правоотношения. С другой стороны, само содержание материально-правового обязательства (в диспозитивной его части) может зависеть от процессуального режима его реализации. Следовательно, процессуальный аспект осуществления материального правоотношения переходит к правопреемнику по аналогии с сопутствующими такому правоотношению правомочиями, т.е. на процессуальный аспект, в данном случае, распространяется правовой режим материально-правового элемента.

Изложенная позиция находит подтверждение в судебной практике, которая, указывая на приобретение правопреемником всего комплекса прав, связанных с основным обязательством, включая согласованную сторонами подсудность [Определение ВАС РФ № 15954/06, 2007].

В дальнейшем указанные выше положения о действительности соглашения о подсудности при изменении лиц в материально-правовом отношении получили закрепление в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений,

осложненных иностранным элементом» (далее – Пленум № 23) [Постановление Пленума ВС РФ № 23, 2017]. Кроме того, в указанном Пленуме ВС РФ был сделан акцент на необходимости определения «истинного намерения» для установления исполнимости пророгационного соглашения [Постановление Пленума ВС РФ № 23, 2017], т.е. ВС РФ прямо указывает на важность воли сторон и необходимости его толкования при рассмотрении соглашений о международной подсудности. При этом каких-либо оговорок о правилах толкования ВС РФ не дает, что допускает возможность применения общих правил толкования договоров к таким соглашениям.

Хотя ВС РФ никак не высказался о природе пророгационного соглашения, приведенные выше положения Пленума № 23, иной судебной практики и доктрины указывают на закрепление в России позиции о том, что гражданско-правовое начало в соглашении о подсудности имеет преобладающее значение. Развитие данной идеи может привести к дальнейшему признанию на уровне законодательства и (или) судебной практики возможности привлечения к ответственности за нарушение гражданско-правового обязательства, закрепленного в соглашении о подсудности.

Признание такой возможности будет способствовать совершенствованию правового регулирования. Во-первых, это позволит преодолеть недостатки процессуального законодательства, в частности, в сфере возмещения судебных расходов, закрепив механизм взыскания убытков, вызванных нарушением соглашения о подсудности. Во-вторых, распространение на пророгационное соглашение положений обязательственного права обеспечит соблюдение правовой определенности, поскольку стороны будут понимать какие положения закона применимы к регулированию данного института и какие вопросы могут быть разрешены в соглашении о подсудности (например, выбор применимого права, условия исполнения обязательства, неустойка за его неисполнение и т.д.). В-третьих, положения обязательственного права обеспечат достаточно широкую автономию воли сторон при заключении пророгационного соглашения, что позволит свободно определять его содержание в соответствии с законом. Совокупность указанных преимуществ будет стимулировать практическое применение данного института и усилит защиту прав и законных интересов сторон.

Заключение

Таким образом, проведенный в статье анализ эволюции понимания правовой природы соглашения о подсудности позволил выявить определенную закономерность в изменении соотношения его гражданско-правового (материально-обязательственного) и процессуального начал.

Из анализа следует, что отправной точкой развития института, берущей начало в римском праве, стало признание значительной роли частной воли и фактического поведения сторон. Это свидетельствовало о доминировании гражданско-правового начала, несмотря на сугубо процессуальный эффект пророгации.

Однако в дальнейшем, с укреплением государственного суверенитета и публично-правовых начал в судопроизводстве, наметился переход к преобладанию процессуальной концепции, которая достигла своего пика в XIX – первой половине XX века. В этот период пророгационное соглашение стало рассматриваться преимущественно как распорядительный акт, наделяющий суд компетенцией по разрешению спора. При этом несмотря на доминирование в названный

период идей о процессуальной правовой природе соглашения о подсудности, даже сторонники такой теории признавали наличие в пророгационном соглашении гражданско-правового обязательства, но с оговоркой о его незначительной роли, необходимой лишь для наделения суда согласованной компетенцией.

Современный этап развития института, начавшийся на рубеже XX–XXI веков, характеризуется новым витком в придании преобладающего значения гражданско-правовому началу. Это проявляется в признании сохранения действия соглашения о подсудности при перемене лиц в обязательстве (правопреемстве), в акценте на необходимости установления «истинного намерения» сторон при толковании таких соглашений, а также в обосновании допустимости взыскания убытков за их нарушение, особенно в сфере международной подсудности.

Таким образом, на современном этапе гражданско-правовой элемент соглашения о подсудности рассматривается в качестве системообразующего компонента, порождающего гражданско-правовое обязательство сторон обращаться в заранее определенный суд. Нарушение этого обязательства все чаще влечет за собой не только процессуальные риски, но и материально-правовые последствия в форме ответственности, что свидетельствует о возврате к признанию первостепенной значимости материально-правового аспекта.

Данный вывод имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку признание преобладания гражданско-правового элемента открывает возможность для применения к пророгационным соглашениям институтов обязательственного права, что способствует повышению предсказуемости и эффективности данного института в гражданско-правовом обороте.

Библиография

1. Адамович В.И. Очерк русского гражданского процесса / приват-доцента Императорского С.-Петербургского университета В. И. Адамовича. Вып. 1. С.-Петербург: Типо-литогр. и фототипия П. И. Бабкина, 1895 – II, 192 с.
2. Арбрамов С.А. Гражданский процесс. — 2-е изд., доп. и испр. — Москва: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. — 227 с.
3. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. — 2-е изд., перераб. — Москва: Бр. Башмаковы, 1917. — 429 с.
4. Гольмстен А.Ф. Учебник русского гражданского судопроизводства. — 5-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург: тип. М. Меркушева, 1913. — XX, 411 с.
5. Гурвич М.А., Шакарян М.С., Тараненко В.Ф. Советский гражданский процесс [Текст]: [Учебник для юрид. ин-тов и фак.] / [Д-р юрид. наук, проф. Гурвич М. А., Шакарян М. С., канд. юрид. наук, доц. В. Ф. Тараненко и др.]; Под ред. д-ра юрид. наук проф. М. А. Гурвича. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Высш. школа, 1975. — 399 с.;
6. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. — Москва: Статут, 2015. — 367 с.
7. Клейман А.Ф. Гражданский процесс: Учебник для юрид. школ и курсов: Допущено УУЗ НКЮ СССР в качестве учебника для юрид. школ / Проф. А. Ф. Клейнман; Всес. ин-т юрид. наук НКЮ СССР. — Москва: Юриздат, 1940. — 120 с.
8. Лунц Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. — М.: Спарк, 2002. — 1007 с.
9. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. — 1876. — [2], VIII, 444 с.
10. «Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://consultant.ru>.
11. Определение ВАС РФ от 26.01.2007 г. № 15954/06 по делу № А40-28164/06-60-257 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://consultant.ru>.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://consultant.ru>.
13. Чупрунов И.С. Допустимость взыскания убытков из нарушения арбитражного или пророгационного соглашений // Вестник гражданского права. — 2011. — Том 11, № 6. — С. 62 – 101.
14. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.15. — Санкт-Петербург, 2009. — 537 с.

15. Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права – Ярославль: тип. Губ. правл., 1909. 212 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rs101003764538?page=1&rotate=0&theme=white>
16. Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства – 2-е изд., доп. – Ярославль: И.К. Гассанов, 1912. – VIII, – 327 с.
17. BGH, Urteil vom 17. Oktober 2019 - III ZR 42/19 / [Электронный ресурс]. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=101645&pos=0&anz=1>.
18. Deybeck C. Der Gerichtsstand der Vereinbarung in historischer und dogmatischer Darstellung. – Deichert, 1888 – 238 S. [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/books/edition/Der_Gerichtsstand_der_Vereinbarung_in_hi/jrlv_Bxo-48C?hl=ru&gbpv=1.
19. Donohut v Armco [2001] UKHL 64, [2002] 1 All ER 749 [36] (Lord Bingham), [48](Lord Hobhouse), [75] (Lord Scott) [Электронный ресурс]. URL: <https://ca.vlex.com/vid/donohue-v-armco-inc-681660057>
20. Gebauer M. Gerichtsstandsvereinbarung und Pflichtverletzung // Recht ohne Grenzen: Festschrift für Athanassios Kaissis zum 65. Geburtstag, edited by Reinhold Geimer and Rolf A. Schütze, Berlin, Boston: Otto Schmidt/De Gruyter european law pub, 2012. – S. 267-286.
21. Gebauer M. Schadensersatz bei Verletzung von Schieds- und Gerichtsstandsvereinbarungen // Festschrift für Roderich C. Thümmel zum 65. Geburtstag am 23.10.2020, edited by Martin Gebauer, Thomas Klötzel and Rolf A. Schütze, Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. – S. 197-220.
22. Julius Wilhelm P. Lehrbuch des deutschen Civilprozessrechts. – Nördlingen: Verlag der C.H. Beck'schen Buchh., 1887-1896, 1887 – 547 S. [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/books/edition/Lehrbuch_des_Deutschen_Civilprozessrecht/hzk4JRkwe34C?hl=ru&gbpv=0
23. Kai Stefan D. Die Gerichtsstandsvereinbarung zwischen ZPO, EuGVVO und HGÜ. – 1. Auflage. – Nomos, 2019 – 260 S. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nomos-elibrary.de/de/document/view/pdf/uuid/08b56173-8691-30bc-8cd6-0166759eef09?page=1>
24. Menzinger L. Der Gerichtsstand der Vereinbarung nach römischem Recht. – Ackermann, 1888 – 57 S. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=exUMAAAYAAJ&redir_esc=y.
25. Ries F. Der Schadenersatzanspruch wegen der Missachtung einer Internationalen Gerichtsstandsvereinbarung // Schriften zum Bürgerlichen Recht (BR), Band 478, 2018. – 314 S.
26. Starlight Shipping Company [2014] EWCA Civ 1010 / [Электронный ресурс]. URL: <https://vlex.co.uk/vid/starlight-shipping-company-appellant-794009453>.
27. Takahashi K. Damages for breach of a choice-of-court agreement // Yearbook of Private International Law, Volume 10. 2008. – 57 – 91 p.
28. Union Discount Co Ltd v. Zoller [2002] 1 W.L.R. 1517(CA) / [Электронный ресурс]. URL: <https://vlex.co.uk/vid/union-discount-company-ltd-792946461>
29. Wach A. Handbuch des deutschen Zivilprozessrechts. – Duncker & Humblot, 1885 – 690 S. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=w9oPAAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
30. Walter L., Das neue Recht der Gerichtsstandsvereinbarung / Walter L. – NJW 1974. – S.473 – 478.
31. Wilhelm E. Das deutsche Civilprozeßrecht. – Bangel & Schmitt, 1868 – 588 S. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=00hEAAAaCAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

Civil Law and Procedural Principles in International Jurisdiction Agreements: Historical and Contemporary Analysis

Matvei D. Chekonov

2nd Year Graduate Student,
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: chekonovmatvey@gmail.com

Abstract

This article analyzes provisions concerning the legal nature of jurisdiction agreements, with emphasis on the changing relationship between civil law (substantive-obligatory) and procedural principles within them. The article proves that throughout the development of the doctrine of

Chekonov M.D.

contractual jurisdiction, a cyclical pattern is observed: from initial recognition of the leading role of private will and actual behavior of the parties in Ancient Rome to the consolidation of the procedural concept in the 19th-20th centuries, which was replaced at the contemporary stage by the predominance of the dispositive principle in the institution of contractual jurisdiction. Currently, in foreign legal systems, the significance of the dispositive principle is manifested as follows: in recognizing a prorogation agreement as a civil law obligation and the possibility of recovering damages for its violation. In the legal system of the Russian Federation, the civil law principle in jurisdiction agreements is also given substantial importance. However, despite ideas expressed in doctrine, neither in legislation nor in judicial practice of the Russian Federation has a conclusion been directly formed today about the existence of a civil law obligation in a prorogation agreement. In this regard, the article notes that implementation in the Russian Federation at the level of legislation or judicial practice of the provision about the existence of a civil law obligation in a jurisdiction agreement would allow mitigating shortcomings of procedural legislation and guaranteeing more reliable protection of the rights and legitimate interests of civil turnover participants.

For citation

Chekonov M.D. (2025) *Grazhdansko-pravovoye i protsessual'noye nachala v soglasenii o mezhdunarodnoy podsudnosti: istoricheskiy i sovremennyy analiz* [Civil Law and Procedural Principles in International Jurisdiction Agreements: Historical and Contemporary Analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (10A), pp. 346-358. DOI: 10.34670/AR.2025.93.74.040

Keywords

Procedural legislation, international jurisdiction agreement, contractual jurisdiction, civil law obligation, civil liability, legal nature, damages, substantive law institution, procedural institution.

References

1. Adamovich V.I. An essay on the Russian civil procedure / Private associate professor of the Imperial St. Petersburg University V. I. Adamovich. Issue 1. St. Petersburg: Typo–lithography and phototype by P. I. Babkina, 1895-II, 192 p.
2. Arbramov S.A. Civil procedure. — 2nd ed., supplement. and ispr. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1950, 227 p.
3. Vaskovsky E.V. Textbook of civil procedure. — 2nd ed., revised Moscow: Bashmakov Publishing House, 1917. 429 p.
4. Golmsten A.F. Textbook of Russian civil procedure. — 5th ed., ispr. and add. — St. Petersburg: M. Merkushev's type, 1913. XX, 411 PP.
5. Gurvich M.A., Shakaryan M.S., Taranenko V.F. Soviet civil procedure [Text]: [Textbook for jurists. in-tov and fac.] / [Dr. Jurid. Sciences, professor. Gurvich M. A., Shakaryan M. S., PhD. jurid. V. F. Taranenko, and others]; Edited by Dr. Yurid. M. A. Gurvich, PhD. — 2nd ed., ispr. and add. — Moscow: Higher School, 1975. — 399 p.;
6. Eliseev N.G. Procedural agreement. — Moscow: Statute, 2015. - 367 p.
7. Kleiman A.F. Civil procedure: A textbook for lawyers. schools and courses: Approved by the University of the NKYU of the USSR as a textbook for juris. schools / Prof. A. F. Kleinman; All-Russian Institute of Law. of Sciences of the NKYU of the USSR. Moscow: Yurizdat Publ., 1940. 120 p.
8. Lunts L.A. Course of international private law: In 3 volumes. Moscow: Spark, 2002. 1007 p
9. Malyshev K.I. Course of civil proceedings. 1. — 1876. — [2], VIII, 444 C.
10. "Review of judicial practice in civil cases related to the resolution of disputes on the fulfillment of credit obligations" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 22.05.2013) // Official Internet portal of Legal Information. - URL: <https://consultant.ru>
11. Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 26.01.2007 No. 15954/06 in case No. A40-28164/06-60-257 // The official Internet portal of legal information. - URL: <https://consultant.ru>.

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/27/2017 No. 23 "On the consideration by Arbitration courts of cases on economic disputes arising from relations complicated by a foreign element" // Official Internet portal of Legal Information. - URL: <https://consultant.ru>
13. Chuprunov I.S. The admissibility of recovery of damages from violation of arbitration or prorogation agreements // Bulletin of Civil Law. – 2011. – Volume 11, No. 6.– pp. 62-101.
14. Yudin A.V. Abuse of procedural rights in civil proceedings: dissertation... Doctors of Law: 12.00.15. – St. Petersburg, 2009. – 537 p.
15. Yablochkov T.M. Course of international civil procedural law – Yaroslavl: tip. Gubernatorial Board, 1909. 212 p. [electronic resource]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003764538?page=1&rotate=0&theme=white>
16. Yablochkov T.M. Textbook of Russian civil procedure– 2nd ed., supplement – Yaroslavl: I.K. Gassanov, 1912. VIII – 327 pp.
17. BGH, Urteil vom 17. Oktober 2019-III ZR 42/19 / [electronic resource]. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=101645&pos=0&anz=1>.
18. Deybeck C. Der Gerichtsstand der Vereinbarung in historischer und dogmatischer Darstellung. - Deichert, 1888-238 S. [electronic resource]. URL: https://www.google.ru/books/edition/Der_Gerichtsstand_der_Vereinbarung_in_hi/jrlv_Bxo-48C?hl=ru&gbpv=1.
19. Donohut v Armco [2001] UKHL 64, [2002] 1 All ER 749 [36] (Lord Bingham), [48] (Lord Hobhouse), [75] (Lord Scott) / [electronic resource]. URL: <https://ca.vlex.com/vid/donohue-v-armco-inc-681660057>
20. Gebauer M. Gerichtsstandsvereinbarung und Pflichtverletzung // Recht ohne Grenzen: Festschrift für Athanassios Kaissis zum 65. Geburtstag, edited by Reinhold Geimer and Rolf A. Schütze, Berlin, Boston: Otto Schmidt/De Gruyter european law pub, 2012. S. 267-286.
21. Gebauer M. Schadensersatz bei Verletzung von Schiedsund Gerichtsstandsvereinbarungen // Festschrift für Roderich C. Thümmel zum 65. Geburtstag am 23.10.2020, edited by Martin Gebauer, Thomas Klötzel and Rolf A. Schütze, Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. - S. 197-220.
22. Julius Wilhelm P. Lehrbuch des deutschen Civilprozessrechts. – Nördlingen: Verlag der C. H. Beck'schen Buchh., 1887-1896, 1887-547 S. [electronic resource]. URL: https://www.google.ru/books/edition/Lehrbuch_des_Deutschen_Civilprozessrecht/hzk4JRkwe34C?hl=ru&gbpv=0
23. Kai Stefan D. Die Gerichtsstandsvereinbarung zwischen ZPO, EuGVVO und HGÜ. – 1. Auflage. - Nomos, 2019-260 S. [electronic resource]. URL: <https://www.nomos-elibrary.de/de/document/view/pdf/uuid/08b56173-8691-30bc-8cd6-0166759eef09?page=1>
24. Menzinger L. Der Gerichtsstand der Vereinbarung nach römischem Recht. - Ackermann, 1888 – 57 S. [electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?id=exUMAAAYAAJ&redir_esc=y.
25. Ries F. Der Schadenersatzanspruch wegen der Missachtung einer Internationalen Gerichtsstandsvereinbarung // Schriften zum Bürgerlichen Recht (BR), Band 478, 2018. - 314 s.
26. Starlight Shipping Company [2014] EWCA Civ 1010 / [electronic resource]. URL: <https://vlex.co.uk/vid/starlight-shipping-company-appellant-794009453>
27. Takahashi K. Damages for breach of a choice-of-court agreement // Yearbook of Private International Law, Volume 10. 2008. – 57 – 91 p.
28. Union Discount Co Ltd v. Zoller [2002] 1 W. L. R. 1517(CA) / [electronic resource]. URL: <https://vlex.co.uk/vid/union-discount-company-ltd-792946461>
29. Wach A. Handbuch des deutschen Zivilprozessrechts. - Duncker & Humblot, 1885-690 S. [electronic resource]. URL: <https://books.google.ru/books?id=w9oPAAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
30. Walter L., Das neue Recht der Gerichtsstandsvereinbarung / Walter L.-NJW 1974. S. 473-478.
31. Wilhelm E. Das deutsche Civilprozeßrecht. - Bangel & Schmitt, 1868 – 588 S. [electronic resource]. URL: <https://books.google.ru/books?id=00hEAAAcAAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>